

Татьяна Щитцова, Ирина Глухова, Вахтанг Кебуладзе
Елена Николова, Ольга Оришева

ТЫ ХОЧЕШЬ ПОГОВОРИТЬ ОБ ЭТОМ?

Новая психологическая
культура в постсоветской
Беларуси и Украине

Европейский гуманитарный университет

Вильнюс
2014

УДК 159.9

ББК 53.57

Т93

Рекомендовано:
Научным советом ЕГУ (протокол № 53-35 от 4 марта 2014 г.)

Авторский коллектив:

*Татьяна Щитцова, Ирина Глухова, Вахтанг Кебуладзе,
Елена Николова, Ольга Оришева*

Рецензенты:

Лехциер В.Л., доктор философских наук,
профессор Самарского государственного университета;
Лернер Ю., Ph.D., преподаватель Департамента социологии и антропологии
Университета имени Д. Бен-Гуриона в Негеве (Израиль)

Т93 ***Ты хочешь поговорить об этом?*** Новая психологическая культура в постсоветской Беларуси и Украине / сост., науч. ред. Т.В. Щитцова. – Вильнюс : ЕГУ, 2014. – 358 с.

ISBN 978-9955-773-78-8.

Представленная коллективная монография посвящена комплексному изучению индивидуальной психологической помощи *как социального феномена*, получившего широкое распространение в постсоветской Беларуси и Украине. Используя различные теоретические подходы и собранные в рамках исследования эмпирические данные, авторы монографии стремятся прояснить, какие процессы должны были произойти и какие трансформации потребовались для того, чтобы в новообразованных постсоветских странах появился и получил распространение социальный феномен, ранее известный только по западным фильмам, – феномен индивидуальной *разговорной психотерапии*? Что должно было измениться в самости постсоветского человека, чтобы он мог опознать в себе внутренний запрос на *приватный* разговор с *экспертом* касательно своих психологических проблем? Что должно было произойти в обществе, чтобы такой разговор оказался *объективно* подготовлен, то есть, чтобы у него было собственное, институционально закреплённое, место и, соответственно, собственная роль в социальном устройстве постсоветского общества?

Книга адресована широкому кругу исследователей (философам, социологам, психологам, антропологам), интересующихся структурными связями между трансформацией самости и трансформацией общества и – более конкретно – местом и ролью психологического знания и праксиса в этих трансформациях.

УДК 159.9

ББК 53.57

Издание осуществлено в рамках проекта
«Социальные трансформации в Пограничье – Беларусь, Украина, Молдова»
при поддержке Корпорации Карнеги (Нью-Йорк)

ISBN 978-9955-773-78-8

© Коллектив авторов, 2014

© Европейский гуманитарный университет, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	
Проект-разведчик (<i>Татьяна Щитцова</i>)	5
Раздел I. Распространение и институциализация нового психологического знания и праксиса	
Глава 1. Как стать психологом, или О некоторых особенностях психологического просвещения в Беларуси (<i>Ирина Глухова</i>)	19
Глава 2. «Что-то должно быть по-другому»: исход психиатров в разговорную психотерапию как элемент перестроечных трансформаций в Беларуси (<i>Татьяна Щитцова</i>)	46
Глава 3. Психотерапия в современной Украине (<i>Вахтанг Кебуладзе</i>)	66
Раздел II. Индивид и общество в фокусе психотерапии	
Глава 4. Индивидуальная психотерапия как социальная практика и как intersубъективный опыт (<i>Татьяна Щитцова</i>)	85
Глава 5. «Психологический человек» в поисках смысла: между нарциссизмом и жертвенностью (<i>Ольга Оришева</i>)	118
Глава 6. Психодинамические аспекты мотивов обращения за психотерапевтической помощью в Украине (<i>Елена Николова</i>)	144
Вместо заключения (<i>Татьяна Щитцова</i>)	161
Приложение	
Интервью с белорусскими психологами и психотерапевтами	167
Глухова Ирина	167
Дмитриев Александр	200
Ермола Людмила	221

Королёв Константин	237
Ласая Елена.....	268
Мартыненко Сергей.....	282
Могилевский Рубен.....	295
Соловей Игорь	314
Финский Анатолий.....	337
Информация об авторах	354

ВВЕДЕНИЕ. Проект-разведчик

«And if the expert technologies of psychology have come to play such a significant role in the regulation of conduct in the West, we should not be surprised if psychological expertise is a beneficiary of current transformations of the societies of Eastern Europe».

Nikolas Rose

Как это стало возможным

В 1992 американский социолог Николас Роуз¹ высказал идею о том, что социальные трансформации, начавшиеся в восточноевропейских странах, должны привести к расцвету особой экспертной области, связанной с психологическим знанием и праксисом.² Новейшая история постсоветских стран подтвердила это предположение: последние 15–20 лет стали временем интенсивного распространения нового (по отношению к академической науке) психологического дискурса и новых практик оказания психологической помощи. Исследование, результаты которого представлены в настоящем издании, нацелено на прояснение того,

¹ Николас Роуз (Nikolas Rose) известен своими исследованиями места и роли психологического знания и праксиса в обществе: *The Psychological Complex: Psychology, Politics and Society in England, 1869–1939* (London, 1985); *Governing the Soul: The Shaping of the Private Self* (London, 1989); *Inventing Our Selves: Psychology, Power and Personhood* (New York, 1996).

² См.: Rose N. R. Engineering the Human Soul: Analyzing Psychological Expertise, *Science in Context*, 1992, 5: 351–369.

что стоит за этой констатацией. Какие процессы должны были произойти и какие трансформации потребовались для того, чтобы в новообразованных постсоветских странах появился и получил распространение социальный феномен, ранее известный только по западным фильмам, – феномен индивидуальной разговорной психотерапии? Что должно было измениться в самости постсоветского человека, чтобы он мог опознать в себе внутренний запрос на приватный разговор с экспертом касательно своих психологических проблем? Что должно было произойти в обществе, чтобы такой разговор оказался объективно подготовлен, то есть, чтобы у него было собственное, институционально закреплённое, место и, соответственно, собственная роль в социальном устройстве постсоветского общества? Все эти вопросы сходятся в одном: как это стало возможным? Он и послужил главным импульсом для проведения данного исследования, опровергнув в некотором смысле роузовское *we should not be surprised* («мы не должны удивляться»), ибо именно удивление двигало нами – удивление тому, как – фигурально выражаясь – советское переродилось в несветское.

Возможно, подобная мотивация проведения исследования прямо связана с принадлежностью «удивлённых» как раз тому самому социокультурному контексту, который прошёл определённые этапы перерождения. В таком случае резонно было бы использовать наше собственное видение, для того чтобы развернуть исследовательскую перспективу, несводимую к традиционной объяснительной схеме социокультурного навёрстывания (читай: вестернизации), – ведь именно к этой схеме располагает озвученная Роузом логическая предсказуемость воспроизведения западного феномена в трансформирующихся восточноевропейских обществах. Разделяя тезис о том, что появление нового психологического дискурса и праксиса явилось признаком либерализации общественной жизни в восточноевропейских странах³, мы считаем бесперспективным трактовать эти процессы в терминах «догоняющей либерализации» (по аналогии с распространёнными в прошлом веке рассуждениями о «догоняющей модернизации»). В этой связи уместно вспомнить более актуальную социально-теоретическую парадигму множественности модерностей, освобождающую нас от одномерного спринтерского видения социальной истории европейской цивилизации. Кроме того, следует подчеркнуть, что интересующие нас трансформации самости и общества имеют в качестве хабитуальной точки отсчёта эмоциональную и психологическую культуру советской повседневности, что уже само по себе не позволяет вести речь о простом повторении соответствующих западных феноменов. В этом отношении наше исследование исходит из

³ Ср. с размышлениями Томсона о «связи психологии с конституированием социальной демократической субъективности»: Thomson M. *Psychological Subjects: Identity, Culture and Health in Twentieth-Century Britain*. New York, 2006, 291.

принципа: генеалогия определяет феноменологию. Сказанное не отменяет возможность генерализации и рассмотрения феномена индивидуальной разговорной психотерапии как конститутивного элемента общества позднего модерна (как это делает, напр., Энтони Гидденс⁴). Однако нельзя забывать, что, становясь на путь обобщения, мы вынуждены абстрагироваться от того, что составляет как раз историческое и культурно-антропологическое своеобразие соответствующих практик в постсоветских обществах. Таким образом, в задачи книги входит не просто очерчивание актуального положения дел в плане представленности и социальной востребованности в Беларуси и Украине⁵ такого феномена, как индивидуальная разговорная психотерапия, но и отслеживание самой исторической динамики оплотнения нового психологического дискурса и распространения новых практик.

Новая психологическая культура и новый психологический дискурс

Вынесенное в название книги понятие «новой психологической культуры» имеет своим ядром культуру обращения за индивидуальной психологической помощью и, соответственно, культуру оказания таковой. При этом речь идёт о психологической помощи как элементе повседневности. В книге мы не касаемся совершенно особого проблемного поля, связанного с так называемой кризисной психотерапией/психологией, предполагающей оказание профессиональной помощи людям, пострадавшим в разного рода катастрофах и стихийных бедствиях.⁶ В отличие от кризисной терапии, имеющей дело с экстраординарными состояниями и случаями, интересующий нас психологический праксис рассчитан на то, чтобы помогать индивиду в его повседневной жизни. Таким образом, предметный фокус книги составляет новая форма жизни, или новый этос, который сформировался в Беларуси и Украине в контексте перестроечных/постсоветских социальных трансформаций и предполагает принципиально новый способ, каким отдельный индивид может обрести для себя смысловые ориентиры в жизни и вместе с ними необходимый психологический баланс. Наряду с этим узким пониманием психологической культуры, данное понятие используется нами и в более широком, или развёрнутом, смысле, включая в свою орбиту слои знаний, дискурсивные и интерактивные практики, а также институ-

⁴ Giddens A. *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Stanford University Press, 1991.

⁵ Исследования по данному проекту были завершены осенью 2013, то есть до начала трагических политических событий в Украине.

⁶ После Чернобыльской катастрофы это направление психологической помощи оказалось особым образом востребовано в двух наших странах.

ции, которые сопровождают и подготавливают культивирование нового этоса. Здесь имеются в виду: (а) знания и практики, посредством которых индивид осмысляет и актуализирует для себя и окружающих собственные психологические проблемы в повседневной жизни; (б) специальные знания и профессиональные навыки практических психологов и психотерапевтов; (в) научно-образовательная деятельность, содействующая развитию практической психологии и разговорной психотерапии; (г) репрезентация и популяризация практической психологии как элемента повседневной жизни в кино, литературе и массмедиа.

В связи с такой богатой дифференциацией поля психологической культуры требует пояснения и введённое ранее понятие «нового психологического дискурса». Даже если мы сведём четыре указанных выше аспекта к двум и будем, в порядке обобщения, вести речь о *двух* измерениях психологической культуры – повседневно-популярном, с одной стороны, и экспертном, с другой, – это не может избавить нас от необходимости обосновать использование некоего общего (никак не специфицированного) понятия психологического дискурса. В этом отношении прежде всего следует отметить, что в рамках социального анализа феномена индивидуальной психологической помощи популярная и экспертная психологические культуры (и, соответственно, популярный и экспертный психологические дискурсы) не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как комплементарные моменты. И дело не только в том, что последние репрезентируют соответствующих акторов новой социальной практики, то есть фактически восходят к самой интересующей структуре «клиент – психолог». Не менее важным является то обстоятельство, что, как бы далеко ни отдалялись друг от друга популярная артикуляция психологических проблем и способов «работы над собой», с одной стороны, и экспертное научно-практическое знание профессиональных психологов – с другой, в обоих случаях речь идёт о том, чтобы культивировать техники самости, предполагающие, что современный человек для собственной экзистенциальной уверенности и жизненной удовлетворённости нуждается в определённой психологической «оптимизации» и что в современном обществе есть специальная экспертная область, призванная помочь индивиду в этой крайне деликатной задаче.

Таким образом, в формальном смысле под новым психологическим дискурсом мы понимаем дискурсивный порядок, который обеспечивает культивирование психологических техник самости в постсоветских обществах и тем самым репрезентирует новое представление о самости, отвечающее актуальному социокультурному контексту. Формальный характер данного определения позволяет с равным правом говорить о популярном и экспертном измерениях нового дискурсивного порядка. При этом если рассматривать их по отдельности, экспертное и популярное измерения нового психо-

логического дискурса проницаемы друг для друга и в принципе настроены, если можно так выразиться, на разнообразные формы кооперации. Так, наша повседневная психологическая культура, равно как и поп-культура, давно переняли целый ряд понятий из профессионального психологического словаря – стресс, депрессия, комплексы, нарциссизм, самооценка, невротичность, психика и т. д. Использование этих слов в повседневной речи, массмедиа и популярной литературе – это отнюдь не «дань моде», а свидетельство отмеченной выше структурной комплементарности экспертного и популярного дискурсов, предполагающей среди прочего, что экспертный дискурс может использоваться в повседневной жизни как поставщик новых символов идентичности, освоение которых будет отражаться в новых моделях поведения, направленности самоанализа и способах выстраивания социальных отношений. В свою очередь экспертный дискурс, в значительной степени характеризующийся научной экзотеричностью, является своего рода научно-методическим приложением к самой практике психологической помощи, ибо во время сеанса общения между экспертом и клиентом разворачивается на языке клиента, сам же экспертный дискурс представлен преимущественно в виде следования (со стороны специалиста) определённым методическим принципам. Таким образом, встреча клиента и психолога является зоной, где экспертный и повседневный психологические дискурсы словно вдвинуты друг в друга – структурно сцеплены. В этом смысле сеанс и есть гениальное место интересующего нас нового психологического дискурса, то есть место, где последний актуализирован во всей своей комплексности и наглядно конституирует новый тип социальной практики.

Значимые идейные контексты

Представленное в книге коллективное исследование носит кроссдисциплинарный характер. Это подразумевает, что для анализа интересующего нас проблемного поля необходимо было задействовать ресурсы и пересекать границы разных дисциплинарных сфер и научных направлений. Такая исследовательская стратегия предполагает и сложный идейный контекст предпринятого анализа: затронутые нами понятия и проблемы отсылают к довольно разноплановому в теоретическом отношении кругу идей и научных работ. Перечислим основные из них.

1. Зарождение идеи герменевтической психотерапии в XIX – начале XX века.

Первопроходцами в данной области выступили Киркегор и Фрейд. Ключевая идея состояла в том, что для излечения душевных страданий необходимо выйти за рамки классической медицинской парадигмы и обратиться к прояснению конкретного личностного смысла этих страданий в коммуни-

кативном взаимодействии пациента и терапевта.⁷ Здесь мы находим принципиальное обоснование используемого в книге определения «разговорная психотерапия», которое в более популярной форме выражает как раз существо герменевтического подхода в психотерапии⁸, подчёркивая при этом коммуникативный характер последней, то есть тот факт, что собственно терапевтичным является сам разговор.

2. Формирование несубстанциалистского представления о самости, предполагающего различие *двух* возможных модусов её реализации: аутентичного и неаутентичного.

Это новое видение самости получило отчётливую артикуляцию уже в XIX веке и было обусловлено *тремя* ключевыми факторами: пересмотром классического новоевропейского представления о субъекте, секуляризацией и переходом к посттрадиционному обществу. Одним из наиболее значимых следствий всех этих процессов явилось выдвигание на первый план понятия отдельного индивида, предполагавшее также формирование парадигматического различения «индивид – общество».⁹ Концептуальная связь этих двух понятий обеспечивалась посредством того, что жизнь отдельного индивида как социального существа оказывалась подчинена идеалу («регулятивной идее») аутентичности. Нетрудно увидеть, что появление разговорной психотерапии как специальной техники обретения аутентичности является вполне естественной импликацией очерченной социальной логики.

3. Западные социальные исследования психологического знания и праксиса.

Таковые вписывают психологию в широкий социокультурный контекст и показывают, каким образом психологическая мысль и практика, предоставляя индивиду новые инструменты и способы понимания себя, одновременно опосредуют широкий круг социальных, политических, экономических и этических вопросов.¹⁰

⁷ Подробнее об этом см.: Щитцова Т. Понятие страдания: антиномии герменевтического подхода в психотерапии (Киркегор и Фрейд), *ТОПОС*, 2011, 3, 43–56.

⁸ Сами психотерапевты чаще используют другой термин: личностно-ориентированная психотерапия.

⁹ Одно из лучших западных исследований по этому вопросу переведено на русский язык: Рено А. *Эра индивида. К истории субъективности*. Санкт-Петербург, 2002.

¹⁰ Помимо вклада Фуко в разработку этого направления, а также упоминавшихся ранее сочинений Роуза, развивающего как раз фуколдианский подход, выделим также *два* исследования, посвящённые конкретным странам: Cushman P. *Constructing the Self, Constructing America: A Cultural History of Psychotherapy*. Boston, 1995; Thomson M. *Psychological Subjects: Identity, Culture and Health in Twentieth-Century Britain*. New York, 2006. Аналогичных исследований по постсоветским странам до сих пор не публиковалось. Выходили лишь отдельные статьи по родственной проблематике; см., напр.: Сироткина И.Е., Смит Р. «Психологическое общество» и социально-поли-

4. Круг научных работ, связанный с социально-гуманитарными исследованиями эмоций.

Социология эмоций как самостоятельное направление оформилась ещё в 1970-е годы; к 1990-м эмоции стали приоритетным предметом исследования для целого спектра социальных и гуманитарных дисциплин. Интенсивность научной работы в этом направлении привела к тому, что в первую декаду XXI века объявлено об «аффективном повороте» в социальных и гуманитарных науках.¹¹ Среди богатого разнообразия подходов и тем, представляющих данное направление, для нашего проекта первостепенное значение имеют работы, (а) касающиеся проблематики управления эмоциями в повседневной жизни¹² и (б) выявляющие влияние психологического дискурса на самопонимание и эмоциональную культуру современного человека¹³. В плане реконструкции генеалогии новой психологической культуры в названных странах наше исследование переключается также с таким направлением, как культурная история эмоций.¹⁴

Завершая этот обзор, имеет смысл обратить внимание на *три* важных отличия в идейных контекстах, значимых для развития разговорной психотерапии у нас и на Западе. *Во-первых*, в отличие от западных стран¹⁵, в Беларуси и Украине не было длинной фазы влияния фрейдизма на академическую психологию, психотерапию и популярную психологическую культуру.

тические перемены в России [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://gefeter.ru/archive/7198> (от 28.12.2012); Лернер Ю. *Телетерапия без психологии, или Как адаптируют Self на постсоветском телеэкране* [Электронный ресурс] Точка доступа: <http://kak.znate.ru/docs/index-43498.html>. Дата доступа: 03.03.2014.

¹¹ Clough P.T., Halley J. (eds.) *The Affective Turn: Theorizing the Social*. Durham, 2007; Gregg M., Seigworth G.J. (eds.) *The Affect Theory Reader*. Durham, 2010.

¹² См., напр., классическое исследование: Hochschild A.R. *The Managed Heart: Commercialization of Human Feeling*. University of California Press, 1983.

¹³ См., напр.: Ehrenberg A. *La Fatigue d'être soi: dépression et société*. Odile Jacob, 1998; Illouz E. *Cold Intimacies. The Making of Emotional Capitalism*. Cambridge, 2007; Illouz E. *Saving the Modern Soul. Therapy, Emotions, and the Culture of Self-Help*. University of California Press, 2008. В этом контексте уместно упомянуть и классическое исследование К. Лэша о нарциссизме как негативном социокультурном феномене, подпитываемом психотерапией: Lasch K. *The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations*. New York, 1978.

¹⁴ Восточная Европа тематически представлена, например, в таких изданиях, как: Steinberg M. D., Sobol V. (eds.) *Interpreting Emotions in Russia and Eastern Europe*. Northern Illinois University Press, 2011; Плампер Я., Шахад Ш., Эли М. (ред.) *Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций*. Москва, 2010.

¹⁵ В данном контексте это допустимое обобщение, но нужно помнить и о культурной разнице между самими западными странами. Так, Томпсон в цитированной ранее работе указывает на то, что, по сравнению с ситуацией в США, в Англии влияние классического психоанализа было существенно меньше.

Во-вторых, поскольку социальная политика СССР в «женских вопросах» существенно отличалась от положения дел в западных странах, в постсоветских странах на момент обретения ими суверенитета не было развитого феминистского движения. Таким образом, если на Западе феминизм явился важным фактором, обуславливавшим развитие новых психотерапевтических практик, то в нашем социальном контексте феминистские идеи (касающиеся гендерного равенства в семье и обществе в целом) стали более поздней и часто факультативной прививкой к развитию нового психологического знания и праксиса. И, наконец, *третье отличие* связано с развитием на Западе ещё в первой половине XX века производственной психологии, сосредоточенной на культивировании «коммуникативной этики как духа корпорации» (Е. Иллуз). Как таковая производственная психология дополняла индивидуальную психотерапию: если эта последняя апеллировала к индивиду в регистре его субъективных мотиваций и желаний, то первая апеллировала к тому же самому индивиду, но уже в регистре его производственной социальности, или умения использовать свои личностные характеристики и навыки в интересах корпорации, то есть эффективной кооперации с другими сотрудниками. Эти два направления практической психологии развивались не просто параллельно, а принципиально дополняли друг друга, схватывая индивида из обеих перспектив его социальной ангажированности: и с точки зрения его личного интереса к самореализации, и с точки зрения интересов общества к его индивидуальным способностям. При этом именно коммуникативность выступала формулой, которая позволяла продвигать интересы корпорации, опираясь на концепт отдельного индивида.¹⁶ В постсоветских странах ситуация была существенно иной, ибо социалистический способ производства в плане психологического обеспечения эффективности опирался отнюдь не на коммуникативные навыки трудящихся, а на их солидарность и «верность идеалам».¹⁷ Вместе с распадом СССР этот солидный социальный капитал лишился, как говорится, своих «духовных скреп». Отсюда несложно предположить, что начавшееся в годы Перестройки развитие индивидуальной практической психологии должно опережать в наших странах развитие корпоративной коммуника-

¹⁶ В 1937 году вышла книга, колоссальную популярность которой можно было бы объяснить тем, что она, словно двуликий Янус, гениальным образом связывала оба означенных выше регистра, причём в популярной форме. Это книга Дейла Карнеги *How to Win Friends and Influence People*. На заре Перестройки этой книгой (*Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей*) жадно зачитывались «продвинутые» советские читатели.

¹⁷ Соотв. коммуникативные (а ещё точнее: риторические) навыки требовались только в одностороннем порядке – «по нисходящей», – дабы воодушевлять и сподвигать на трудовые подвиги.

тивной культуры просто по той причине, что для формирования коммуникативного этоса, свойственного капиталистическому способу производства, объективно требуется больше времени (не говоря уже об особенностях социально-экономического развития в каждой из постсоветских стран в отдельности).

Проект-разведчик: цели, методы, группа

В книге публикуются результаты коллективного научно-исследовательского проекта, поддержанного Центром передовых исследований и образования (CASE) Европейского гуманитарного университета (Вильнюс, Литва). Стартовые условия осуществления данного проекта – весьма скромные финансовые ресурсы при совершенной неизученности интересующего нас проблемного поля – предопределили и совершенно особый формат исследовательской работы, который мы определяем как разведывательный. Нашей целью являлась первичная рекогносцировка в поле новой психологической культуры, предполагавшая: а) дифференцированное описание ключевых аспектов и акторов последней; б) сбор эмпирического материала, документирующего формирование этой культуры и её валидность в повседневной жизни, в) первичную аналитику оказания индивидуальной психологической помощи как социального феномена. Таким образом, речь идёт о проекте, который предоставляет первичную разработку очерченного проблемного поля¹⁸, включая в том числе ряд предложений по интерпретации и концептуализации имеющихся данных. Этот новый формат (проект-разведчик) не следует путать с так называемым «пилотным проектом», цель которого состоит в маломасштабной апробации некоего процесса или алгоритма (производственного, менеджерского, технического, исследовательского и т. д.), который впоследствии должен быть реализован в более крупном масштабе. Мы, безусловно, надеемся, что проведённое нами исследование послужит импульсом для более масштабного изучения психологической культуры современных обществ Беларуси и Украины, а также других постсоветских стран. При этом, однако же, связь между нашим проектом и последующими исследовательскими инициативами в этом же направлении будет принципиально отличаться от логики дублирования, определяющей связь пилотного проекта с полномасштабным основным проектом. Идеи и

¹⁸ Первичный характер такой разработки предполагает, конечно же, и определённую тематическую ограниченность анализа. Целый ряд вопросов и проблем, касающихся формирования новой психологической культуры (особенности её продвижения в различных медиа, гендерная специфика, каналы и характер государственного регулирования и др.), лишь кратко обозначены в книге и ещё ждут своего исследования.

тезисы, изложенные в книге, требуют дальнейшего обсуждения; эмпирическая часть исследования (в плане использованных методов и объёма) обусловлена компактным форматом проекта; теоретические подходы представлены в самых разных мультидисциплинарных комбинациях, подчинённых общим задачам проекта, но при этом отражающих индивидуальный исследовательский выбор участников «разведгруппы».

Авторский коллектив монографии представлен тремя исследователями из Беларуси и двумя из Украины. Учитывая специфический формат самого проекта, определение «монография» по отношению к данному изданию также нуждается в комментарии. Оно не отличается той монолитностью, которая свойственна монографии в классическом смысле этого слова. Терминология не вполне унифицирована – и не потому, что «времени не хватило», а потому, что исходные концептуальные предпосылки отдельных авторов не всегда подлежат сведению к общему знаменателю (приведём лишь один пример – понятие самости: психоаналитик, феноменолог и социальный теоретик используют его с разной смысловой нагрузкой). Структура книги – мозаичная, что не обещает сквозной консистентности и систематичности в изложении: отдельные главы не вытекают одна из другой, а дополняют друг друга подобно тому, как дополняют друг друга разрозненные фрагменты пазла. Вместе с тем все главы объединены общими исследовательскими задачами проекта, которые направляли каждую отдельную (авторскую) траекторию с момента выбора конкретного тематического аспекта и определения методов сбора эмпирического материала до написания финального аналитического текста. Это единство замысла – единство в постановке ключевых исследовательских проблем – создаёт множество переключек между текстами на самых разных уровнях и позволяет взглянуть на отмеченные выше «негативные» черты с позитивной стороны: терминологическая разноплановость, равно как и отсутствие артикулированного опосредования между отдельными главами, – все эти смысловые вибрации и лакуны обладают собственной эвристикой, открывая новые, требующие прояснения вопросы и намечая новые направления для анализа.

Основным эмпирическим материалом при подготовке книги выступили письменные и устные опросы, а также глубинные интервью с практическими психологами и психотерапевтами, с одной стороны, и с людьми, имеющими опыт обращения за профессиональной психологической помощью – с другой. При этом среди разных типов оказания индивидуальной психологической помощи мы сосредоточили внимание на разговорной психотерапии и так называемой психологической коррекции¹⁹, которые (в

¹⁹ Фактически, эти два термина обозначают один и тот же способ работы; разница же в терминах восходит к существующей в рамках государственной системы образования разнице специальностей: психотерапевт – (практический) психолог.

отличие, например, от психологического консультирования) предполагают относительно регулярное и длительное общение между клиентом и специалистом и нацелены на глубинное воздействие на самопонимание клиента и его базовые установки по отношению к собственному окружению. В общей сложности в рамках проекта опрошено или проинтервьюировано: 6 специалистов в Украине и 9 – в Беларуси; 15 клиентов психотерапевтов в Украине и 15 – в Беларуси. В Беларуси и со специалистами, и с клиентами проводились глубинные интервью, которые записывались на плёнку и транскрибировались. Тексты интервью со специалистами печатаются в настоящем издании отдельным приложением. Кроме того, в Беларуси были проведены *три* разновозрастные (18–26, 27–44, 45–60 лет) фокус-группы, нацеленные на выявление общей эмоциональной и психологической культуры жителей белорусской столицы. Количественный перевес и более обстоятельный характер эмпирических исследований, проведённых в Беларуси, объясняются тем, что на начальном этапе реализации проекта белорусская группа исследователей была в два раза больше украинской.

В целом, реализация проекта проходила в несколько этапов и, помимо сбора эмпирических данных и написания книги, включала также проведение в Минске цикла теоретических семинаров (октябрь–декабрь 2012 и июль 2013) и научно-практической конференции (ноябрь 2013) под общим названием «Эмоциональная самость: новые психологические дискурсы и практики субъективации». В итоге, в той или иной форме исследованию заявленной в проекте проблематики способствовал более широкий круг людей, среди которых отдельного упоминания и благодарности заслуживают: Дмитрий Дьяков, Лидия Михеева, Андрей Тетёркин, Сергей Сивуха, Марина Шорец, Олег Айсберг, Леонид Пергаменщик, Анна Сафронова. Особые слова признательности мы адресуем всем, кто согласился поделиться с нами своим опытом, мнением и информацией, свидетельствующими о том, что «новая психологическая культура» в наших странах – это не маргинальный феномен, не краткосрочная мода, не изобретение для элит, а отчётливая тенденция, которая нечто говорит про нас самих и про то общество, в котором мы живём.

Татьяна Щитцова